

Ж.Ж.Варбот
Институт русского языка РАН
Москва

О специфике диалектной этимологии

Результаты этимологических исследований (как и большинства других гуманитарных научных исследований) имеют гипотетический характер, что и объясняет в значительной степени не только факты смены версий происхождения определенного слова, но и возможность их сосуществования. Поиски средств уточнения гипотетических построений – совершенствования методик формального и семантического анализа – убеждают в неизбежности сочетания в этимологическом исследовании процедур алгоритмического характера с некоторыми неалгоритмизируемыми шагами, обеспечиваемыми интуицией исследователя, его более широкими комбинаторными возможностями и обеспечивающими восстановление неизвестных звеньев истории слова¹.

Трудность восстановления этих отсутствующих звеньев определяется сложностью самого объекта анализа – истории слова, занимающего вершинное положение в иерархии константных единиц языка. В истории слова пересекаются, сочетаются многочисленные закономерные явления различных языковых уровней и внеязыковые влияния, сочетание же этих закономерных явлений в каждом слове индивидуально и потому приобретает характер случайности. Ю.М.Лотман, в последние годы своей жизни особенно интересовавшийся ролью случайного в искусстве, акцентировал различия в этом отношении между искусством и наукой: “Рассмотрим... роль случайных явлений. Следует подчеркнуть принципиальное

¹ *Супрун А.Е.* Алгоритмическое и неалгоритмическое в этимологическом поиске // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21–26 мая 1984 г.: Тез. докл. М., 1984. С. 41–42.

различие, с этой точки зрения, познавательных и креативных процессов и, в этом отношении, науки с ее перевесом в сторону познавательную и искусства с его креативной доминантой. Познавание уже существующих объектов ориентировано на устранение случайного и выделение закономерного инварианта... Случайность входит в процесс научного творчества, а не в его результат”². В одном из последних интервью Ю.М.Лотман так определял перспективы своих исследований: “Мы стремимся ввести непредсказуемое в область науки. До сих пор наука занималась причинно-следственными связями, оставляя непредсказуемое, случайное за своими пределами. Это необходимый этап, но не конец. Мы видим новый процесс. Он более живой, динамичный и в большей степени адекватно отражается в искусстве”³. Представляется, что автор, справедливо обращая внимание на значение случайного, полемически преувеличил отвлечение науки от случайного и поэтому не совсем точен. При бесспорной нацеленности науки на выявление общего, существенного и закономерного, сама изначальная частность исследуемых объектов заставляет исследователя считаться с категорией случайного, определять его весомость и собственную его природу, так что внимание к случайному неизбежно, но его доля в исследовании определяется спецификой объекта. В этом отношении этимология – самая частная из областей языкознания и наиболее вынужденная учитывать и изучать случайное, которое прежде всего характеризует историю слова. Объективный показатель этого случайного – ономастические и семантические различия в лексике родственных языков и диалектов. Весомостью случайного в истории слова определяется скудость собственно этимологических закономерностей, универсалий⁴. Случайное вторгается и в самый процесс

² Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 473–474.

³ Более всего опасна победа: Последнее интервью Юрия Лотмана. Интервью взяла Л.Глушкова // Известия. 1993. 1 дек. № 230. С. 10.

⁴ См. об этимологических универсалиях: Malkiel J. Etymology and General Linguistics // Word. 1962. Vol. 18, № 1–2. Pt. 8.

этимологического исследования в форме фрагментарности доступного материала, увеличение которого зависит от случая – обнаружения, публикации новых лексических данных⁵. Поэтому в этимологическом исследовании всегда неизбежны неалгоритмические этапы, оправдывающие его сравнение с искусством и одновременно предопределяющие принципиальное значение новых материалов.

Ценнейшим источником новых материалов для этимологии являются диалектные словари, так что даже подъем славянской этимологии во второй половине XX в. несомненно связан с расширением публикаций диалектных и исторических словарей славянских языков. Принципиальная роль диалектной лексики в современной этимологии определила появление понятия “диалектная этимология” Термин “диалектная этимология” приложим к двум типам этимологизации диалектного материала – это исследование генезиса собственно диалектной лексики (единичных слов или определенным образом организованных групп) и анализ диалектной лексики, привлеченной в ходе этимологического исследования лексики литературного языка, или праязыка, или родственного языка. В обоих случаях обращения к диалектному материалу есть свои особенности, но есть и общее, что определяется спецификой самого материала – диалектной лексики.

За некоторыми счастливыми исключениями, когда диалектный материал этимологизируется исследователем, который сам и записывал его, и имеет возможность его проверить, объектом этимологического анализа является лексика, зафиксированная словарями, причем в очень ограниченных иллюстративных контекстах, при затруднительности проверки степени филологической надежности слова. В то же время сама природа этимологического исследования, независимо от его ориентации в каждом конкретном случае, определяет сосредоточение внимания преимущественно на диалектной лексике, структурно или семантически отличной от литера-

⁵ Ibid. Pt. 5.

турных соответствий или вообще не имеющей никаких соответствий. Поэтому неизбежная гипотетичность этимологических построений может усугубляться при обращении к диалектным материалам вследствие неточности в записи форм или определении значений в диалектных словарях. Наиболее уязвима в этом отношении этимологизация глаголов. Вместе с тем обстоятельства фиксации диалектной речи обуславливают значительный вес гапаксов в диалектных словарях, а условия функционирования диалектов – возможность сохранения в качестве гапаксов реликтов древних форм и значений или факультативных заимствований. Многочисленные факты этого рода содержатся во всех этимологических словарях славянских языков и добавляются при появлении каждого нового диалектного словаря. Приведу два примера из недавних наблюдений.

Краснояр. **наскрызъ** ‘наискось; криво, неровно’ (СГКК², 217), возможно, является редким рефлексом производного с корневым вокализмом в ступени **e* (*я* < **ę* < **en*) и семантикой кривизны из гнезда праслав. **kręg-* / **krōg-* ‘сгибать’: ср. **кряж**, **круг**; болг. *диал. крезне* ‘быть отягощенным плодами (о фруктовом дереве)’, чеш. **křehnouti* ‘коченеть’⁶. Особенно существенно сохранение в красноярском диалектизме результата третьей палатализации *з*, что находит соответствие в приведенном болгарском диалектизме.

Перм. **верешливой** ‘слишком разговорчивый, прихотливый’ (Беляева, 67) представляется производным от утраченного современным русским языком праслав. инфинитива **veršti*. Он известен в славянских продолжениях со значением ‘молотить’ (рус.-ц.-слав. **врешти** и др.), но родственное **ворошить** и индоевропейские соответствия: лат. **verrere** ‘мести, сгребать’, хетт. **uārš-** ‘вытирать, срывать, жать’ (Pokorny 1, 1169–1170) вскрывают пласт более дифференцированных обозначаемых действий – перебирания, перетирания. Именно

⁶ Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии // Этимология, 1970. М., 1972. С. 74.

эта архаичная семантика может быть отражена в пермском диалектизме.

Подобные гапаксы – счастливая находка для этимолога, но она может обернуться призраком, если запись неточна. Правда, статус гапакса нередко оказывается временной характеристикой, которая снимается при публикации новых словарей, как, например, произошло со словом **зга** ‘кольцо на дуге, через которое продевают повод’ (сначала СРНГ, затем СРГМ, Смолен. сл.). Разумеется, подтверждение надежности лексемы очень существенно, но избавление от статуса гапаксов не может осуществляться путем изменения формы или значения слова в соответствии с этимологическими представлениями составителя диалектного словаря, как, например, перм. **заром делать** ‘срубить три первых дерева для новой избы’⁷ исправлено в СРНГ на **зарон делать** со ссылкой на тот же источник. При всей вероятности образования лексемы с этим значением в гнезде глагола **ронить** и возможности описки в источнике⁸, правка формы недопустима без проверки на месте и соответствующего комментария. Кроме того, не исключена и этимологическая форма с корнем **ром-**, ср. рус. влг. **урома** ‘груда, ворох’ и ‘лес в плотях’ (Даль IV, 508).

Очень осмотрительно должен относиться этимолог к определению значений диалектных лексем. Как ложный ориентир, серьезную опасность для этимологического анализа представляют собою этимологизированные определения значений лексем в диалектных словарях. Так, например, определение словц. *дуал.* **ľahčina** ‘легче всего перевариваемое мясо (легкие, сердце)’ (Ukaž. zv. nár., 197–198, подчеркнуто мною. – Ж.В.), ориентируя этимолога на реальную словообразовательную производность слова от прилагательного **ľahký** (точнее – праслав. ***ľьгькъьъ**), вместе с тем предполагает и

⁷ Дополнения и заметки И.Ф.Наумова к Толковому словарю Даля // Сб. ОРЯС. 1874. Т.11, № 6. С. 13.

⁸ См.: Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II // Этимология 1972. М., 1974. С. 54.

выделяет в определении ложную, народноэтимологическую первичную мотивацию – по признаку легкой усвояемости, тогда как синонимичное праслав. ***plutje** ‘легкое’, образованное от ***pluti** ‘плавать’, отчетливо выявляет как первичную мотивацию обеих лексем именно весовую характеристику (= всплываемость!) легких (см. ЭССЯ 17, 72–73). С другой стороны, не следует пренебрегать информацией, которая содержится в определении значения с использованием однокоренных лексем. Например рус. *охотн.* **пáзанка** ‘задняя лапка зайца’ объясняется этимологически из связи с рус. *диал.* **пáз-ногть** ‘фаланга пальца’ (праслав. ***paz** и **nogъть** – Фасмер III, 185, доп. Трубачева), но определение **пáзанка** ‘заячья лапка, особенно задняя, с глубоко распаженными перстами’ (Даль III, 8, подчеркнуто мною. – Ж.В.) подводит к предположению о непосредственном образовании слова **пáзанка** от **пазить** ‘разрезать, распарывать’ или **паз**.

Существенным преимуществом диалектной лексики как объекта этимологизации является ее структурная вариантность, нередко отражающая различные этапы исторического изменения лексемы. Соответственно сопоставление таких вариантов в возможно наибольшем количестве может дать ключ к этимологии. Например, для группы русских диалектов **запса́чить**, **запса́тить**, **запса́бить** ‘убрать, спрятать что-либо куда-либо и забыть, где лежит’, **запса́ть** ‘то же’ и ‘двигаться медленно’, **запса́бить** ‘заткнуть чем-либо’ (СРНГ X, 364) при сопоставлении с синонимичными и структурно близкими **запха́ть**, **запхну́ть** и далее **запхо́тник** ‘тонкие бревна для ограды’ (СРНГ X, 371), **запе́стать** ‘засунуть, затолкать во что-либо’ (СРНГ X, 313) представляется вероятным генетическое тождество с последними, то есть происхождение из гнезда праслав. ***pъxati**. Аналогичное решение было предложено для соответствующих польских глаголов типа **zapsnąć** ‘споткнуться’ Миклошичем (Miklosich, 270) и, несмотря на сомнения современных исследователей⁹, остается, в свете

⁹ Последняя по времени версия – происхождение польских глаголов из праслав. ***pъsknŋti** (se), родственного с ***pęskati** и ***pęti**, ***pъng** (см.:

приведенных русских материалов, наиболее реальным (и в польском, и в русском представлены также однокоренные глаголы с другими префиксами).

Сохранение диалектной речи преимущественно в деревне обусловило ее особое значение как хранителя старой лексики определенных семантических полей, отражающих занятия, быт, обычаи сельских жителей. Естественно, что лексемы этого рода находят соответствия в различных говорах как внутри одного славянского языка, так и в говорах других славянских языков, но часто не имеют соответствий в литературных языках. Ср. рус. псков., твер. **отёка льну** 'высокий, тонкий рост', **отёковатый хлеб, рожь** 'тончаявая, тощая' (Даль II, 626), псков. **теку́чий лён** 'тонкий, тощий, сухой' (Даль IV, 405), укр. *диал.* **сте́клий** 'о дереве или ином стеблестом растении, растущем в густой заросли: тонкий и высокий' (Гринченко IV, 201), полес. **пості́каты** 'вытянуться, истончиться (о растении)' (Климчук, 60), польск. *лесовод.* **ciekół** 'верхушечный прошлогодний побег на молодых соснах' (Warsz. I, 323), кашуб. **věcekli** 'о людях и животных: высокий, щуплый, худой, тонкий' (Sychna 6, 66) – производные от ***tekti**; близкая первичная мотивация – по глаголу движения – представлена в группе производных от ***gъnati**, ***goniti**; рус. ряз. **гонкий** и **прогонистый** 'высокий, ровный, без сучков (о деревьях)' (Деулин. сл., 121, 462), польск. *диал.* **gonny** 'высокий, вытянувшийся вверх (чаще о деревьях)' (Kosiński, 39).

Этимология раньше других отраслей исторического языкознания оценила значение и перспективность привлечения к исследованию диалектных материалов. Происходящее особенно активно в последние десятилетия теоретическое и

Wiesław Boryś. Etimologie polskie // Język polski, LXXI. 1991. № 1. S. 28–34), вызывает возражения преимущественно в структурном плане: формы с **sk** вряд ли могут быть более древними, чем с **s**, учитывая регулярность экспрессивного суффикса **-sk-** и сложность группы согласных в ***ръsknōti**, сомнительна вероятность отражения в **ь** ступени редукции к **en**.

методическое обоснование и обогащение конкретными работами русской диалектной этимологии как самостоятельной области этимологических исследований обещает существенное расширение лексической базы этимологии в целом, повышение степени вероятности семантических и структурных реконструкций, достижение новых этнокультурных реконструкций, тем более реальное, чем серьезнее будет учитываться специфика диалектной этимологии.

Предлагаемые ниже заметки посвящены некоторым случаям реконструкции и этимологизации праславянской лексики, когда привлечение русских диалектизмов (в основном – материалов “Словаря русских говоров Карелии”) оказывается определяющим фактором в решении различных этимологических проблем.

čeper-* / **čepar-* / **čepyr-* / **čepъr*. В ЭССЯ и SP по-разному толкуется происхождение этих вариантных основ, представленных как в глаголах (čeperiti*, **čepariti*, **čepyriti* и т.д.), так и в именах существительных (**čeperъgъ*, **čepera*, **čepъrgъ* и т.д.), например: болг. *чепѣря се* ‘распространяться, растягиваться’, рус. *диал. щепѣрѣться* ‘раскорячиться’, кашуб. *щерагѣс* ‘разгребать, рыться (о курах)’, болг. *чѣпор* ‘сук’, с-хорв. *чѣпур* ‘пенек’, в-луж. *щарег* ‘хлам’, укр. *чепѣра* ‘развилка’. Расчленяя основу **če-per-*, ЭССЯ толкует ее как соединение корня **per-* (с вариантным вокализмом) с префиксом **če-* (ЭССЯ 4, 55, 59), а SP – как соединение корня **čep-* с расширением *-er-* (SP II, 141–143), при этом глагольный корень **čep-* считается звукоподражательным по происхождению (SP II, 140–141). Бернекер, также выделявший в **čeper-* корень **čep-*, предполагал его родство со **ščep-* (Berneker I, 143).

В пользу последнего толкования генезиса основы **čeper-* свидетельствует русский диалектный материал. Рус. урал. *чепару́ля* ‘поилка для коров и кур. – корыто, выдолбленное из дерева’ (СРГСУ VII, 22) бесспорно родственно с рус. карел. *вычепать* ‘царапая чем-н. острым, поранить’ (СРГК 1, 313), что означает образование от корня *чеп-*. Да-

лее, сопоставление рус. карел. **вычепать** с семантически близким рус. карел. **выкопать** 'изготовить долблением, выдолбить' (СРГК 1, 269) позволяет говорить о вариантности корня **чеп-** / **коп-**. Наконец, лексема **чепару́ля** весьма близка и семантически, и структурно к др.-рус. **копору́ля** 'мотыга', рус. *диал.* **копару́ля** 'ральник на крюку, лопатка, которою очищают землю с сошников' (перм.), 'примитивная соха, деревянная лопатка для копки картофеля, окучник' (урал.), **капору́ля** 'деревянные вилы' (урал.) и болг. **копра́ля** 'заостренная палка, которой во время пахоты погоняют волов и очищают лемех от приставшей земли', с-хорв. *диал.* **kopralja** 'железный наконечник на палке; палка с железной ложкой для очищения лемеха плуга; мотыга', которые были ранее истолкованы мною как продолжения праслав. ***koporul'a**, производного от ***kopati**¹⁰.

Структурное и семантическое сходство **чепаруля** и **копоруля** при вариантности производящего для **чепаруля** корня **чеп-** / **коп-** и производности **копоруля** от ***kopati** 'рыть' означает наибольшую вероятность родства этих имен как вариантов по корню основ с тождественным расширением и признание корня ***šer-** вариантом (со ступенью вокализма ***e**) праслав. ***kor-** 'рыть, копать'. К этому ***šer-** восходят также, например, болг. *диал.* **чѣнна** 'выдолбить', с-хорв. ***šernuti** 'лягнуть', польск. *диал.* **czepić** 'порвать', чеш. *диал.* **šerit** 'бить'. От ***šer-** как варианта ***kor-** 'копать' и образованы спорные основы ***šerag-** / ***šerag-** / ***šerug-** / ***šerъg-**.

Рус. **щёлкать**. Горяев предполагал его родство со **щёль** (праслав. ***(š)čel-** / ***(s)kol-** 'драть, раздирать, расщеплять'); Фасмер предпочел версию звукоподражательного образования (Фасмер IV, 501). Представляется, что семантика рус. карел. **выщелкать** 'уничтожать, повредить градом (посевы, всходы); вырвать, выдернуть (при прополке)', **выщелкнуть** 'выклевывать' (СРГК 1, 316–317), **выщелкать** 'выклевывать' (свердл., СРНГ VI, 63) обнаруживает отсутствие акустическо-

¹⁰ Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II. С. 56–59.

го элемента и реальную близость к **ščelъ* ('выполоть, выдернуть, выклевать' = 'выдрать, раздирая, расщеливая оставшиеся посевы'), так что может быть аргументом в пользу образования и этого глагола не от звукоподражательного, а от знаменательного корня¹¹. Ср. в этом же плане синонимию **щелкать орехи – колоть орехи** как следствие родства глаголов.

Др.-рус. *заслянути* **'пристать (о судне)'* было ранее истолковано мною как рефлекс праслав. **-slenqti*, родственного с праслав. **sloniti* и далее – с лтш. *slānīt* 'складывать, нагружать', *slenēt* 'бить' При этом отмечалось, что, в отличие от морфологически аналогичной основы **pomēnqti*, образованной на базе **pomēti*, в отношении **-slenqti* нет свидетельств существования более ранней корневой основы ***-slēti*¹².

Возможно, что производное именно от этой утраченной корневой глагольной основы сохранилось в рус. яросл. *неслящий* 'неумелый, неловкий, вялый, болезненный' (Яросл. сл. Липень–няучить, 141), если принять для него первичную мотивацию 'неприспособленный, неприлаженный' (ср. **нескладный, нескладеха**). Морфологически ближайшее сопоставление с **lękti* 'гнуть' представляется менее вероятным вследствие определенности в нем семантики увечья, болезни уже на уровне корня: ср. др.-рус. *съллчн* 'скривить, истощить', *съллакн* 'скорченный' (Срезневский 3, 744–745), рус. диал. *сля́ка* 'горбатый; со сведенными руками либо ногами, калека' (Даль IV, 230).

Праслав. **pytati*. На основе представленных продолжений в славянских языках реконструируется значение 'спрашивать, просить, узнавать' При этом праслав. **pytati* родственно с лат. *putāre* 'подрезать, очищать; обдумывать,

¹¹ См. о подобных случаях: Варбот Ж.Ж. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. Международный съезд славистов, X. София, сентябрь 1988 г.: Докл. советской делегации. М., 1988. С. 65–75.

¹² Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен, II. С. 42–44.

полагать', с развитием значения от 'резать' к 'думать', так что праславянский глагол как будто представляет лишь вторичное, переносное значение. Примечательно, однако, что для рус. карел. **выпытать** зафиксировано значение 'выкорчевать' (СРГК 1, 284), которое непосредственно сопоставимо с 'подрезать, очищать' в латыни. Можно, следовательно, предполагать и для праславянского состояния диалектное сохранение первичного значения этого глагола (не был ли, в таком случае, этот глагол древним земледельческим термином – обозначением корчевки как подготовки земли для посева?).

Праслав. *rǫka. Обычно для него принимается значение 'рука', а на основании родства с лит. **riñkti, renku** 'собирать' реконструируется первичная мотивация 'орудие собирания, хватания, хваталка'. Поэтому представляется небезынтересным зафиксированное в новосибирских говорах **рука** 'попадание при ударе палкой по подброшенной палочке в во время игры в "чикота" (чижика)' (Новосиб. сл., 476). Конечно, настораживает вторичный характер сибирских говоров, вероятность влияния языков аборигенов, но все-таки нельзя не поставить вопрос о возможности сохранения в этом диалектизме древнего значения ('попадание' = 'хвятие'), так что 'хваталка (или хватание)' могло быть для праслав. ***rǫka** не только первичной мотивацией, но и составным элементом лексической семантики. Различение первичной мотивации и первичного лексического значения принципиально важно для семантической реконструкции в этимологии. Данный же случай свидетельствует, возможно, об изначальной многозначности слова ('хватание' и 'рука').